

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ УКРАИНЫ: ИТОГИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗА ПОЛВЕКА (1936-1986)

Ясь О. В. «На чолі республіканської науки...»: Інститут історії України (1936-1986):
Нариси з інституціональної та інтелектуальної історії. (До 80-річчя установи) / О. В. Ясь. –
Вступ. слово, наук. ред. В. А. Смолія; НАН України; Ін-т історії України. –
К.: Ін-т історії України, 2016. – 542 с. – (Студії з інституціональної історії).

Что есть историография? Зеркало духовной жизни общества.

Чтобы отразить духовную жизнь общества, история не может не опираться на философию (неокантианский тезис). Рецензируемая книга А. Яся посвящена предыстории и истории Института истории Украины НАН Украины советского времени. Выбор автора был очень удачен. Его перу принадлежит фундаментальное исследование по истории украинской исторической мысли – монография «Історик і стиль. Визначні постаті українського історіописання у світлі культурних епох (початок ХІХ – 80-ті роки ХХ ст.)» (у 2-х ч. – К., 2014. – 587+650 с.), написанная в духе постмодернизма. Значит, в багаже Института истории Украины есть и такая работа. Автор рецензируемой книги – человек больших знаний и высокой культуры знания. В основе его работы лежит огромный архивный материал, он прекрасно знает наработки диаспорных историков и отслеживает их реакцию на всё, что происходило с исторической наукой и Институтом истории Украины в советское время. Таким образом, можно говорить о всеохватывающем украинском историографическом исследовании в его исполнении.

Для такого автора, каким является А. Ясь, очень удачно было начать свою новую книгу с характеристики теоретико-методологических идей, циркулировавших в украинской академической среде в 20-х гг. ХХ в., т. е. до первого съезда историков-марксистов (1929), положившего конец теоретико-методологическому плюрализму и объявившего марксизм «единственно научной философией истории». Это было время, когда академику М. Яворскому, возглавлявшему украинский Институт марксизма-ленинизма и украинское Общество историков-марксистов, было позволительно на страницах партийного органа украинских коммунистов «Прапор марксизму» отстаивать марксизм не подбором цитат «классиков», а в полемике – с Л. фон Ранке и Э. Бернхеймом, И. Кантом и Г. Гегелем, А. Лаппо-Данилевским (неокантианец) и М. Туган-Барановским, Н. Костомаровым и М. Грушевским [1]. Абсолютно справедливым является указание автора на полярность трендов, лежавших в основе развития гуманитарных наук Украины 1920-х гг., с подчеркиванием влияния позитивистских стандартов. Они были намного шире в сравнении с теми, которые считал необходимым указать автор на с. 14.

Итак, позитивизм. С позиций начала ХХІ века

можно только сказать: сто раз раскритикованный, зло высмеянный теми же Ф. Симианом и Л. Февром (М. Блок соблюдал пиетет по отношению к учителям) – и все же непотопляемый, прежде всего с его догматом позитивного (для историка – архивного) знания, разработанной им методикой аналитической работы, рядом методологических подходов, которые имеют общенаучное значение, он оставался в багаже советских историков, сомкнувшись с упрощенным, выхоленным марксизмом. Позитивистские стандарты и сейчас в мире успешно применяют многие десятки историков, в то время как модернизм и постмодернизм выходят из моды.

Позитивизм задержался в активе советской украинской историографии. Неокантианство и социология задержаться не могли. По мнению великого немецкого философа ХVІІІ в. И. Канта, «история имеет смысл только потому, что это история человека». Изменение и усложнение условий существования человека на рубеже ХІХ-ХХ вв., кризис в естествознании вызвали к жизни не только неокантианство, но и витализм, феноменологию, породили горячий интерес к социологии и «повсеместной социологизации гуманитарных дисциплин», о чем совершенно справедливо пишет автор (с. 14).

На что же еще могла мощно опереться историография, пытавшаяся объяснить причины и истоки драматических первых десятилетий ХХ в.? Отсюда и заботы, проекты и начинания М. Грушевского, поклонника идей Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля, лично общавшегося в эмиграции с немецким философом, одним из основателей неокантианской баденской школы Г. Риккертом, создавшего за рубежом Украинский социологический институт.

Как пишет автор, в середине 20-х гг. задание этого института состояло в «изучении социологического процесса в его самых ранних стадиях... примитивной культуры и освещении с помощью этих исследований истоков украинской истории, социальных и культурных пережитков их в современном фольклоре» (с. 14). М. Грушевский был озабочен «методологией и социологическим обоснованием истории» – так называлась секция возглавляемой им кафедры истории Украины. Летом 1924 г., в связи с перенесением деятельности Украинского социологического института из-за рубежа в Украину, М. Грушевский выступил инициатором создания культурно-исторической комиссии и комиссии примитивной песенности. В 1928 г. им же был создан

Кабинет примитивной культуры и народного творчества (с. 16).

Историк загорелся идеей порайонного исследования Украины, в связи с чем основал четыре комиссии: 1) комиссию истории Киева и Правобережья; 2) комиссию истории Левобережной Украины; 3) комиссию истории Южной (степной) Украины; 4) комиссию истории Западной Украины. Эти начинания М. Грушевского, как пишет автор, имели целью представить национальную историю в свете регионального раздела Украины на основе культурно-исторической локализации и дифференциации (с. 17). Речь шла о национальной истории как истории органической целостности, сложившейся на перекрестке влияний Средиземноморья, Западной Европы и Евразии (с. 20).

Таким образом, М. Грушевский развивал культурологический подход к истории Украины. Он не осуществлен и за минувшие два с половиной десятилетия независимости. Но кадры поднимаются. Под пером автора М. Грушевский получает адекватную своей деятельности характеристику (до этого он зачастую пребывал то в «державниках», то в «народниках»). Однако 1929 год положил конец замыслам выдающегося ученого.

В силу объема экономических задач, которые стояли перед советским обществом в 30-х гг., и антигуманной сущности сталинского времени человек в СССР не только стал винтиком «системы», но и был вытолкнут из исторической проблематики и эпистемологии истории.

Западная историческая наука на протяжении всего XX в. занималась изучением того, как проявляет себя человек в истории. На плечах неокантианства стоят три поколения школы «Анналов», модернизм (изучение ментальности), зародившийся в недрах ее третьего поколения, постмодернизм (история как текст), пришедший из Италии и США и связанный с таким направлением школы «Анналов» как изучение повседневности [2]. Все эти направления уходят в прошлое, «устаревают», чтобы остаться с нами в лучшей своей части, и критика их должна вестись «...не как отторжение их, а как вхождение в блестящую и необходимую односторонность в целом любой стоящей методологической позиции» [3].

Неокантианству с его идеализмом по определению не могло быть места в советской историографии, хотя оно еще раз напомнило о себе в стенах Института истории Украины. Первый его директор А. Сараджев, имевший, как отмечает автор, высокий профессиональный уровень, в 1934 г. издал «однуединственную большую статью» и по сути монографию-предисловие к известному труду И. Канта «Критика чистого разума» (1783), где с позиций марксизма «анализирует те сдвиги в мировоззрении И. Канта, которые произошли после выхода его работы» (с. 63). Для красных профессоров эти во-

просы были terra incognita. Сам А. Сараджев был расстрелян в Москве 10 марта 1937 г. Об И. Канте в марксистской интерпретации писали потом только историки России [2].

В 1993 г. была задепонирована монография автора этих строк [3], в которой рассматривались проблемы кризиса в историографии как такового и кризиса (кризиса ли?) русско-украинской исторической мысли конца XIX - начала XX вв. В данной работе формулировалась следующая мысль: «Восприятие отдельных положений марксизма... и усвоение некоторых постулатов неокантианства (постулаты неокантианства рассматриваются в книге) позволило историкам русско-украинской исторической школы – И. В. Луцицкий, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский – избежать кризисного состояния» – в смысле методологической беспомощности, растерянности [4]. Идеи, разработанные и изложенные в этой монографии, лежали в основе моего доклада, прочитанного 3 апреля 1996 г. на ученом совете Института истории Украины НАН Украины [5].

Что касается социологии, она тоже не стала подругой истории ни в Украине, ни в СССР в целом, по тем же вышеуказанным причинам. После всех поисков предшественников школы «Анналов» – Э. Дюркгейма, Ф. Симиана, Л. Леви-Брюля, А. Берра, а также самих историков школы «Анналов» с 1989 г. их журнал называется «Annales L'Histoire et sciences sociales», что подчеркивает главную мысль: ни одна дисциплина не может притязать на синтезирование результатов всех наук об обществе, а вот междисциплинарность стала в результате этого поиска «рутинной практикой ученых» и считается главным подарком школы «Анналов» всемирному сообществу историков [6].

Итак, масштабным замыслам и начинаниям М. Грушевского не суждено было сбыться. Все научные центры, функционировавшие под его руководством – такие как «кабинет примитивной культуры» Екатерины Михайловны Грушевской, журнал «Первісне громадянство» – были закрыты. Сам ученый в 1931 г. был выслан в Москву с обязательством отмечаться в НКВД. В годы ежовщины были репрессированы его дочь, брат Александр Сергеевич и другие близкие ему люди.

На страницах изданного усилиями украинской диаспоры сборника [7] в память о репрессированных ученых Украины опубликован список 185 историков, историков права, этнографов, археологов, искусствоведов, экономистов, репрессированных в 20-40-е гг. (авторы не считают свои сведения исчерпывающими). В этом сборнике я встретила фамилию своего учителя – он преподавал археологию в Одесском университете – Михаила Федоровича Болтенко.

В фундаментальном, блестящем, мощно обоснованном исследовании, каким является рецензи-

рованная книга, очерчены такие линии: 1) анализируются теоретико-методологические основы функционирования ученых Института истории Украины; 2) рассматриваются – и очень подробно – перипетии создания самого учреждения и принципов его деятельности – подчинение Академии наук и ее институтов Совету министров (с 1934 г.), замена принципов коллегиальности в управлении наукой командным администрированием; 3) описывается выработка советской концепции истории Украины, такой, которая бы устраивала Москву; 4) подается история живых людей, история украинских историков, их нелегкие судьбы, говорится о формировании новой профессиональной и человеческой этики в их среде.

Итак, принципы функционирования (организационные пертурбации опускаю). Как пишет автор, с 20-30-х гг. складывалась советская обрядовость (с. 23), когда люди, желавшие работать в сфере истории, обязаны были заниматься самобичеванием, отрешившись от учителей-историков старой школы, поносить таких ученых как М. Грушевский, В. Антонович, М. Довнар-Запольский. То же самое происходило и в Москве. Выдающийся советский историк, академик Е. Тарле, один из лучших учеников И. Лучицкого, почтивший учителя блестящей статьей в 1914 г. [8], в дальнейшем начисто о нем «забыл», при этом и сам подвергся репрессиям (в ноябре 1929 - январе 1930 гг.) – проходил по делу «Промпартии». От расправы его спасло лишь заступничество французской научной общественности. Волна репрессий накрыла как историков Украины, так и историков России. Мой учитель В. М. Далин провел в ГУЛАГе с 1937 по 1956 гг.

Общий моральный климат начала 30-х гг. привел, как пишет автор, к тому, что в условиях, когда еще не были наработаны официальные каноны, среди украинских историков царили страх перед возможными ошибками, неуверенность, сокрытие мыслей, ужас расплаты за неугодные мысли (с. 39, 50 и др.).

Между тем, с 1932 г. остро стоял вопрос создания программы по истории Украины и учебника по истории Украины. Но уже начали набатываться общие контуры советской концепции истории Украины. В основе ее лежала пятичленка – учение о пяти формациях, отображающее мнимое движение человечества от «первобытного коммунизма», которого никогда не существовало, к «настоящему» (рай в будущем, хилястическая идея христианства).

Движение всего украинского исторического процесса рассматривалось с точки зрения классовой борьбы и идеала социалистической революции, имели место утверждение великоросского нарратива и маргинализация национальных историй, в том числе украинской (с. 58-60). Сформировался тезис о тесном единстве трех братских народов – рус-

ского, украинского и белорусского – с подчеркиванием лидирования «великого русского народа» в дальнейшем культурном развитии этих братских народов (с. 94-98). Если в «Історії України: Короткий курс» (под ред. С. Белоусова и др., Киев, 1940) [8] употреблялось обозначение «великий украинский народ», то в послевоенные времена это определение начисто исчезло (с. 105). Кроме того, в центре внимания был один из ключевых вопросов – «воссоединение» Украины с Россией – как «высшее благо для Украины», или присоединение Украины к России – как «меньшее зло», и что есть история Украины после Переяславского соглашения 1654 г.? Конечно, вопросов было много больше, но не мне – как не-специалисту по истории Украины – в них углубляться; отметила только основные черты. Итак, оставалось писать многотомники, программы, учебники. Какими силами? Взамен репрессированных историков набирались новые, не отличавшиеся должным профессионализмом. Выход нашли в приглашении в Институт старых кадров, как репетиторов молодых – М. Петровского, А. Оглоблина, Н. Полонскую-Василенко и других (с. 74 и др.).

Хорошей особенностью рассказа автора об истории кадров Института истории Украины является то, что он не только поименно называет всех сотрудников, но и указывает возраст, пол, национальность, должность, ученую степень, в каком ВУЗе получено образование – и так на всех этапах функционирования Института до 1985 г.

В 1938 г. вышел «Краткий курс истории ВКП(б)» – как правильно пишет автор, «печально известный курс». У историков появился стандарт, стал складываться канон в написании и «научном» оформлении их трудов. Автор этих строк, специалист по всеобщей истории, может вспомнить известного украинского исследователя истории Французской революции XVIII в., одесского историка К. Добролюбского. В работе от 1930 г. «Экономическая политика термидорианской реакции» (изд. М.-Л.) он всего один раз сослался на К. Маркса. В работе «Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции 1794-1798 гг.» (Одесса, 1949) ученый неоднократно ссылается на труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, И. Сталина, а библиография включает и «Замечания на конспект учебника «Новая история»» И. Сталина, А. Жданова, С. Кирова.

В 1973, 1974 и 1975 гг. в научном сборнике Киевского университета «Питання нової та новітньої історіографії» были напечатаны три моих статьи по французской историографии (части моей кандидатской диссертации) [9]. В первой из статей была одна ссылка на труд Ф. Энгельса. Принимая статью 1974 г., где не было ссылок на классиков, редактор сказала: используйте цитату Энгельса из предыдущей статьи, без этого работу взять не можем. Более того: эту же цитату пришлось исполь-

зовать и в статье 1975 г.

Как отмечал директор Института истории Украины того времени С. Белоусов, «Краткий курс истории ВКП(б)» стал настольной книгой каждого ученого, без которой была невозможна разработка проблем гражданской истории». (с. 103). Труды украинских специалистов по отечественной истории тоже были усыпаны цитатами из произведений «классиков марксизма-ленинизма».

С конца 30-х - начала 40-х гг. оформилась еще одна особенность советских трудов по истории Украины, заключающаяся в хронологическом крене, деформации в пользу эпохи пролетарской революции, гражданской войны и периода социалистического строительства. Рассказывая о выходе «Краткого курса истории Украины» в 1940 г., автор пишет, что из 411 его страниц «лишь» третья часть отводилась означенному периоду [10], потому что не хватало специалистов. В дальнейшем этот перекос будет увеличиваться. Значит, где-то на полтора тысячелетия 300 страниц текста, а на 27 лет социализма – 111 (приблизительно).

За годы советской власти, с прикрытием начинаний М. Грушевского, в Украине перестали заниматься всемирной историей. В докладе, прочитанном 3 апреля 1996 г. в Институте истории Украины, я говорила об утрате украинских школ античников, медиевистов, византинистов, отсутствии Института всеобщей истории, а в существующих институтах – отделов теории и методологии истории. В работе более позднего периода я, как и львовский историк Л. Зашкильняк, отмечала положительные сдвиги в этой области [11].

Да и как указанные отрасли знания могли развиваться в Украине? Помимо идеологического диктата, имела значение чисто материальная сторона. С 30-х гг. в научные библиотеки страны не поступала ни иностранная литература, ни периодика [12]. Ситуация начала меняться лишь в начале 90-х гг., но тогда уже появился и электронный ресурс. Чтобы написать кандидатскую и докторскую диссертации – обе посвящены французской историографии – мне пришлось ездить в московские библиотеки и поддерживать научные контакты с учеными – вначале Института истории АН СССР, потом Института всеобщей истории АН СССР, позднее Института всеобщей истории РАН – с 1963 по 1993 гг. С благодарностью вспоминаю В. М. Далина, особенно потому, что посоветовал мне заняться изучением Киевского архива И. Лучицкого, М. Н. Машкина, В. А. Дунаевского (это мои оппоненты по диссертациям), А. З. Манфреда, С. П. Пожарскую, М. А. Барга (с ним мы набросали первый вариант плана докторской диссертации), Ю. Л. Бесмертного и особенно С. И. Лучицкую. Благодаря оргкомитету Международной конференции, посвященной 60-летию школы «Анналов» (Москва, 1989), и лично Светлане Игоревне Лучицкой я имела пакет

докладов той конференции. В 2007-2009 гг. Светлана Игоревна привозила мне книги в Киев рюкзаками. Книги и журналы мне посылали все московские историки. Люди, которых вспоминаю, слушали и обсуждали на своих отделах мои доклады в 1969, 1990 и 1992 гг., рекомендовали к защите мои кандидатскую и докторскую диссертации [13], приглашали на заседание отдела Новой истории в 1981 г., где обсуждались три книги по французской историографии, – В. Далина, М. Соколовой, Ю. Афанасьева, на международные конференции, проводившиеся на базе Института, печатали на страницах московских академических изданий, начиная с 1970 г. Очень печально, что сейчас Украина и Россия воюют. Ученые никогда не воевали и воевать не будут. «...Дрались сонмища племен, Зато не ссорились поэты» (С. Есенин, строки из поэмы «Поэтам Грузии»).

Уверена в том, что акцентирование внимания в украинских исторических исследованиях на советском периоде отрицательно сказалось на украинском менталитете в целом.

С книги «Історія України: Короткий курс» (1940) стала складываться еще одна интересная особенность подготовки к печати трудов по истории – их бесконечное рецензирование. В случае с названным курсом это был еще «труд продвижения и популяризации работы». Автор приводит данные О. Юрковой, свидетельствующие, что «в течение семи месяцев по выходе курса на него было опубликовано 20 рецензий», девять из которых написал Л. Полухин (с. 107). В дальнейшем подобное рецензирование приобрело иные формы и смысл.

Над украинскими историками постоянно висела угроза быть обвиненными в «буржуазном национализме» или в каком-либо ином антипартийном уклоне. Поэтому писали коллективные труды, создавали предварительные макеты работ и рассылали на рецензии. Кому и куда? Автору удалось этимологически обыграть ситуацию с обсуждением «Краткого курса истории Украины» в отделе пропаганды и агитации ЦК КП(б)У, которым заведовал П. Гапочка, в октябре 1948 г. Грустно читать «серьезные замечания» секретаря ЦК: упоминание о военных походах киевских князей Владимира Святославича и Владимира Мономаха заставило одного схватиться за голову – «предки большевиков были агрессорами» (с. 205). На рабочую версию «Краткого курса» 1948 г. было написано 56 рецензий. Его возили в Москву, где он подробно обсуждался на общем заседании кафедры истории СССР исторического факультета МГУ и кафедры истории АОН при ЦК ВКП(б) 4 марта 1952 г. Результаты обсуждения были благоприятными, но местные партийные кадры подстраховались. 17 апреля 1952 г. были изданы выводы и рекомендации комиссии ЦК КП(б)У, содержащие указания «на принципиальные идеологические недочеты, весомые методологические и редакционные ошибки» (с. 214).

Потом был напечатан второй макет. Из его 836 страниц 340 было отведено периоду от 1917 до 1948 гг. (sic!). На второй макет было напечатано 250 рецензий. После того как появились «гениальные» труды И. Сталина по экономическим проблемам социализма и вопросам языкознания, многострадальный двухтомник вновь отправили «в плавильный котел». Итоги «переделки» подвело заседание комиссии ЦК КП(б)У, длившееся с 17 ноября по 8 декабря 1952 г. Как отмечено в книге (с. 215), стенограмма заседания составила 870 машинописных листов и свидетельствует о том, что исторический текст обсуждался по «абзацам, фразам, отдельным высказываниям» (с. 215-217). Можно ли представить, чтобы какая-либо политическая партия или правительство давали указания историкам школы «Анналов»? Абсурд. Известно, что президент Франции с 1981 по 1995 гг. Ф. Миттеран читал монографию Э. Ле Руа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня (1294-1324)», после чего звонил автору, чтобы выразить свое удовольствие от прочитанного. Президент был всего лишь одним из 2 млн. читателей – таков тираж книги, переведенной на более чем 20 языков мира (но не на украинский). А французский академик П. Ренувен отражал в своих работах по истории международных отношений все колебания внешнеполитического курса Франции. (Таран Л. В. Эволюция традиционного направления французской историографии (70-е гг. XIX - 60-е гг. XX вв.) и творческий путь Пьера Ренувена: Дисс... канд. ист. наук. – Одесса, 1970. – 345 стр.). Однако, как бы там ни было, после всех перипетий двухтомник по истории Украины всё же увидел свет [14].

Коллективные труды, многочисленные рецензии – всё это призвано было как-то обезопасить людей, создать коллективную ответственность, поклониться идеологическому отделу ЦК, учесть замечания сомнительной ценности. Автор отмечает, что историки диаспоры прекрасно понимали, почему боятся их коллеги в Украине. Один из них – В. Дубровский – отметил, что книгу писали 12 авторов, и у нее 5 редакторов!

На многих страницах своего труда автор подчеркивает вытекавший из общих условий функционирования исторической науки ее провинциализм, «очевидную инерционность мышления местных партийных бонз, что обрекало украинские общественные и гуманитарные науки на маргинальность» (с. 232). Когда готовилась харьковская всеукраинская конференция 1997 г., где мне предстояло читать пленарный доклад, я настойчиво предлагала В. Сарбею, оппоненту по моей докторской диссертации, и А. Санцевичу, написавшему на нее капитальное заключение, пригласить на конференцию французских историков. Оба интеллигентно сдерживали меня: давайте мы сначала сами обсудим свои проблемы. Тогда я и представления не имела об объеме этих проблем.

Из концептуальных особенностей вышеуказанного двухтомника автор подчеркивает доминирование в нем великого соглашения 1654 г. как «наивысшего блага», хотя до того оно трактовалось как «меньшее зло» (с. 219). Я же обратила внимание на другое. В московской рецензии на двухтомник ее авторы – А. Зимин, В. Мочалов, А. Новосельский – как о недостатке говорят о том, что в нем не указывается, почему Русь минула рабовладельческую формацию и от первобытно-общинного строя перешла к феодальному (с. 220). Время работ А. Гуревича, который отмечал, что Русь сочетала признаки и рабовладения, и феодализма, еще не пришло. К отделу медиевистики в Москве его не подпускали. До 1962 г. он работал в Твери и в том же году защитил докторскую. Ученый имел теоретические наработки, подтолкнувшие его к ревизии марксизма. Его время настало после «перестройки». Он развернул широкую деятельность в России и выступил инициатором многих начинаний, живущих и поныне. Разворот российской и украинской историографии лицом к мировой почти полностью осуществлялся российскими историками А. Гуревичем, М. Баргом, Ю. Бессмертным, Л. Баткиным и другими. Что касается А. Гуревича, то в этот период он удостоился буквально мировой славы, многочисленных международных наград, аудиенции папы римского и т. д. [15].

В 1960-е гг., как пишет автор, «культурная атмосфера и интеллектуальные настроения потеплели и в Украине»; это произошло на закате хрущевской «оттепели» (с. 231) и связывалось с эпохой П. Шелеста. С 1957 г. стал выходить «Український історичний журнал». Вопрос о его создании ставился сразу в послевоенные годы. Но в 1947 г. заместитель директора Института истории Л. Иванов, обращаясь к озабоченному созданием журнала Ф. Шевченко, сказал: «...Если бы нам сейчас позволили издавать журнал, мы с Вами сели бы» (с. 236).

В журнале в течение 60-х - начале 70-х гг. появились оригинальные неколлективные тексты; среди их авторов были И. Бойко, О. Компан, О. Луговая, Ф. Шевченко. Росла научная «остепененность» сотрудников Института, но по-прежнему существовал перекосяк в специализации. В 1961 г. 50 специалистов его занимались советским периодом, 33 изучали 1000-летнюю досоветскую историю Украины, сегмент всемирной истории ограничивался странами так называемой «народной демократии» (с. 250). До 1967 г. директором Института был К. Дубина. Какой блестящий, выполненный многими красками, неоднозначный портрет К. Дубины написан автором! После его внезапной кончины пост директора занял А. Скаба – бывший министр просвещения и секретарь ЦК КПУ. Автор тут же приводит показательную реакцию на его назначение мюнхенского журнала «Сучасність»: «Кандидат исторических наук А. Скаба, ...минуя научную степень доктора на-

ук, получил звание сначала член-корр., потом академика не на форуме общего собрания Академии наук, а благодаря обсуждению в аппарате ЦК, прежде всего в том отделе, которым он сам руководил». Автор прав, когда говорит, что такое назначение было удачным завершением партийной карьеры (с. 259). Такой же почетной должностью было и заведование гуманитарной кафедрой в столичном ВУЗе.

Диаспорная пресса «иронически» и «саркастически» откликнулась на назначение А. Скабы (с. 259-260). Новый директор в конце 70-х гг. развернул острые атаки против молодых сотрудников и неконформистов, выжив из Института известного украинского медиевиста М. Брайчевского, а также И. Ганжу, Г. Шевчука, А. Кудлая и других. Он крайне отрицательно относился к тем из сотрудников, кто занимался дооктябрьским периодом истории Украины.

Что я знала об интеллектуальной жизни Киева в конце 60-х гг. (переехала сюда в 1970 г.)?! Многого и не могла узнать из-за занятости...

В 1968 г. силами сотрудников Института – Е. Компан, Е. Апанович, М. Брайчевского, Я. Дзыри, Е. Стецюк – был организован лекторий по истории казачества и истории Украины вообще. Собирались тысячные аудитории, лекции приходилось читать с 10 утра до 14 часов без перерыва. Я. Дзыра свидетельствует, что А. Скаба следил за этим лекторием и упрекал его за рассказы о Запорожской Сечи, о Гоголе, спрашивал, откуда он, галичанин, «набрался такого национализма» (с. 261). В конце концов лекторий прикрыли.

Когда-то на одной из московских конференций был поднят вопрос о необходимости популяризации исторических знаний. Присутствовавший тогда в аудитории писатель В. Пикуль (автор добротных исторических романов и повестей) сказал: «Если историки не занимаются популяризацией исторических знаний, то и Пикуль хорош». В области популяризации исторических знаний в Украине и сейчас делается очень мало. Зато у нас по телеканалу «Эпоха» идут мощные исторические программы, популяризирующие историю Франции, ее династии, полководцев, писателей, художников. Случаются и программы по истории Украины. Чтобы смотреть канал «Эпоха», нужно купить дорогой программный пакет TV Воля-кабель. На массового зрителя он явно не рассчитан.

Важно сказать несколько слов о патриотизме. Патриотизм устарел для старых, состоявшихся, развитых стран, но в процессе их становления, борьбы за демократические ценности он играл огромную роль. Да и в 1968 г. – в период кризиса четвертой республики во Франции – ведущие историки школы «Анналов», чисто академические ученые, регулярно выступали по радио и телевидению, организовали дешевую серию брошюр «Что я знаю?» и расска-

зывали соотечественникам о важнейших событиях национальной истории. Если бы в Украине была правильно поставлена эта работа, жители восточных областей не колебались бы в самоопределении национальной идентичности.

В рецензированной книге подчеркивается, что, несмотря на определенные сдвиги в деятельности Института в эти годы, выразившиеся в увеличении числа сотрудников с ученой степенью, появлении тематических сборников, повышении внимания к источниковедческим дисциплинам, история дооктябрьского периода в 1970-х гг. окончательно маргинализировалась, став своего рода «введением к истории советского периода» (с. 170 и др.). В 1973 г. всего 6 сотрудников Института разрабатывали проблемы медиевистики. В 1979 г. из 165 сотрудников 29 отслеживали историю Украины до революционного периода (с. 313).

Для сравнения: все лидеры трех поколений школы «Анналов» – М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, многие историки школы – Ж. Дюби, Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ле Гофф, П. Тубер, Р. Фоссе, Р. Шартье, П. Рикёр, а позднее М. Эмар и Ж. Гренье были медиевистами, специалистами по всемирной и отечественной истории. Украинские историки в большом долгу перед своим народом. Его 300 лет русифицировали, и вдобавок он не знает своего настоящего прошлого.

В 60-70-е гг. вышли в свет солидные коллективные труды, созданные усилиями Института истории: «Історія Києва» (К., 1963-64. – Т. 1-2); «Історія селянства Української РСР» (К., 1967. – Т. 1-2); «Історія робітничого класу Української РСР» (К., 1967. – Т. 1-2); «Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу» (К., 1967-1969. – Т. 1-3) и другие. В 1967 г. вышел и двухтомник «Історія Української РСР», который, как пишет автор, продемонстрировал «инерционность тогдашних коллективных работ», ибо они двигались по «узкому коридору, очерченному советским каноном середины 50-х годов» и были полностью закрыты даже для умеренных паллиативных концептуальных предложений, проступавших понемногу со времен «поздней оттепели». Не отличалась новизной подходов и «Радянська енциклопедія історії України» (К., 1969-1972. – Т. 1-4).

Вместе с тем автор отмечает, что персональные практики украинских ревизионистских, неконформистских историков того времени – Е. Апанович, И. Бойко, И. Бутыча, В. Голубуцкого, И. Гуржия, Я. Дзыри, Е. Компан, И. Крипьякевича, Е. Луговой, М. Марченко, Ф. Шевченко – показывают, что они стремились обойти границы советского историописания (с. 286), делали попытки частичной реабилитации украинских историков (Д. Багалия, М. Драгоманова, Д. Яворницького, М. Грушевского, П. Кулиша) (с. 287), пытались переосмыслить вульгаризированную советскую версию марксизма и вы-

сказывали мысли, которые перекликались с идеями М. Барга, Л. Баткина, А. Гуревича, Б. Поршнева и других (с. 284-291).

Автор обладает еще и литературным, писательским даром. Начните читать последний VI раздел его работы: то ли бесконечный дождь за окном, то ли стугнулись тучи над сотрудниками Института истории. Всего лишь начиналась новая компания «борьбы против буржуазного национализма». Цинично уволили Е. Компан, уволили М. Мельника, который в 1979 г., чтобы уклониться от ареста, наложил на себя руки, уволили бывшего Главного командира УПА В. Кука. Еще раньше из Института археологии АН УССР уволили М. Брайчевского. Был отстранен от должности директора этого Института Ф. Шевченко, «за идейно-теоретические ошибки» ему занесли выговор в учетную карточку. С 1973 г. он временно исполнял обязанности руководителя отдела феодализма. В 1992 г. Ф. Шевченко выступил рецензентом моей статьи об И. Луцищом, был весьма доволен ее тематикой и предложил ей название «Українські сторінки творчості І. В. Луцицького».

В течение 11 лет не мог трудоустроиться Я. Дзыра. Была разрушена сеть специализированных сборников, создававшихся тяжкими потугами украинских историков второй половины 60-х - начала 70-х гг. С другой стороны, в 1975 г. была начата работа над подготовкой изданий «Історичні дослідження. Вітчизняна історія» и «Історичні дослідження. Історія зарубіжних країн». Содержание их было, как горько шутили диаспорные историки, «единонедильским», особенно с приходом на пост главного редактора Ю. Кондуфора. Новый директор Института А. Шевелев сделал научную карьеру, сочетая агитационно-лекторские и партийные практики с научными (с. 296-302). А. Шевелев долго не удержался, но не из-за громкого «библиотечного дела» – масштабной кражи дореволюционных изданий из библиотеки Института, а из-за того, что, как пишет автор, «...проиграл, вероятно, в подковерной борьбе» (с. 307). С 1978 г. директором Института стал Ю. Кондуфор, работавший с 1958 по 1968 гг. заведующим отделом науки и культуры ЦК КПУ. Несмотря на то что на этой должности ему приходилось прорабатывать шестидесятников, он «стремился поддерживать с ними человеческие отношения» (с. 302). Автор доброжелательно отмечает и тот факт, что Ю. Кондуфору удалось «по крайней мере минимизировать» ту подковерную борьбу, которая многие годы шла в Институте (с. 315).

Несмотря на расширение международных

контактов, академическая наука Украины, представленная Институтом, по справедливому мнению автора, находилась в стадии стагнации. Оценивая итоги работы коллектива над капитальным проектом «Історія міст і сіл Української РСР», автор пишет, что этот труд вобрал в себя типичные просчеты коллективных трудов эпохи «развитого социализма», «выхолощение и примитивизацию смысла изложения, повсеместную индоктринизацию, нивелирование местного колорита и т. д.» (с. 320). При этом он отмечает факт разворачивания по всей Украине мощного историко-краеведческого движения (с. 320). В 1974-84 гг. шла подготовка русскоязычной версии «Історії міст і сіл Української РСР». В 1977-1979 гг. вышел восьмитомник «Історія Української РСР». Попытки Ф. Шевченко указать на роль М. Грушевского в разработке истории Украины были отброшены. 6 из 8 томов были посвящены событиям революции 1905-1907 гг. и советской эпохе.

Диаспорный историк О. Прицак отмечал, что работа обосновывала телеологическую концепцию истории Украины, так как указывала на «ее движение под руководством великого русского народа к коммунистическому счастью» (с. 327). Группа историков, работавших над восьмитомником, была удостоена Государственной премии УССР в области науки и техники. А дальше грянула «перестройка».

Итак, книга об украинском обществе означенного периода и украинских историках, украинском историописании 1936–1986 гг. однозначно удалась. Книга капитальная, добротно выполненная, снабженная дополнениями (340 страниц текста, напечатанного мелким шрифтом, и 200 страниц приложений).

Один из авторов сборников серии «Одиссей. Человек в истории» Б. Миронов, размышляя о перспективах и вызовах историографии и указывая на то, насколько они затруднительны и неоднозначно решаемы, вспоминает зачин былины об Илье Муромце:

Во одну-то дороженьку-то ехать – убиту быть,
Во другу-то дороженьку-то ехать – богату быть,
Во третью-то дороженьку-то ехать – женату быть.

[16].

Я использую этот текст в другом смысле – для оценки труда А. Яся. Уже сейчас ясно, что он и «богат», и «женат», и за ним пойдут молодые историографы Украины. Успехов им.

1. Таран Л. В. Историческая мысль Франции и России (70-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.) / Л. В. Таран. – К., 1994. – С. 77.
2. См., например: Косминский Е. А. Историография средних веков: Лекции. – М., 1963; Гутнова Е. В. Историография средних веков. – М., 1974; Историография нового времени стран Европы и Америки. – М., 1967; также другие учебные пособия по историографии, изданные в Москве и Ленинграде.

3. Таран Л. В. Развитие французской, русской и украинской исторической мысли (70-е годы XIX – 40-е годы XX столетий) в контексте изучения Великой французской революции. – К.: Государственная научно-техническая библиотека, 10 мая 1993 г. – 189 с.
4. Материалы депонированной книги вошли в опубликованную. См.: «Историческая мысль Франции и России», с. 54.
5. После прочитанного доклада мне была заказана статья в объеме двух печатных листов для «Українського історичного журналу». В редакцию она была сдана в 1997 г. Журнал напечатал ее в 1998 - начале 1999 гг. См.: Таран Л. В. Провідні тенденції світової історіографії XX ст. і проблеми кризи сучасної української історичної науки / Л. В. Таран // Український історичний журнал. – 1998. – № 5. – С. 30-40; 1999. – № 1. – С. 85-92. Параллельно была напечатана статья на ту же проблематику моего ученика, профессора, д-ра ист. наук А. П. Реента.
6. Таран Л. В. Французька, російська і українська історіографія (70-і рр. XIX ст. - поч. XXI ст.) / Л. В. Таран. Ніжин, 2009. – С. 164.
7. Збірник на пошану українських учених, знищених більшовицькою Москвою. Накладом осередку Наукового товариства ім. Т. Шевченка в м. Чикаго / Ред. М. Овчаренко. – Париж-Чикаго, 1962.
8. Тарле Е. В. И. В. Лучицкий: к пятидесятилетию научно-литературной деятельности. 1863-1919 / Е. В. Тарле // Голос минувшего. – 1914. – № 1. – С. 42-62.
9. Таран Л. В. До історії виникнення традиційного позитивістського напрямку французької історіографії / Л. В. Таран // Питання нової та новітньої історії. – К.: Вид-во Київського ун-ту, 1973. – Вип. 17. – С. 157-167; Її ж. Деякі тенденції розвитку історичної науки у Франції в першій половині XX ст. // Там само. – 1974. – Вип. 19. – С. 110-120; Її ж. Питання теорії джерелознавства у засновників напрямку «Анналів» Л. Февра та М. Блока // Там само. – 1975. – Вип. 21. – С. 78-86.
10. Історія України: Короткий курс / Під ред. С. М. Белоусова, К. Г. Гуслистого, О. П. Оглобліна, М. Н. Петровського, М. І. Супруненка, Ф. О. Ястребова. – К., 1940. – 411 с.
11. Таран Л. В. Новые тенденции мировой и украинской историографии / Л. В. Таран // Диалог со временем. – Вып 13: Альманах интеллектуальной истории / Гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2004. – С. 211-231. Передрук: Idem. The latest trends in World and Ukrainian historiography // Roczniki Antropologii Wiedzy. – Rocznik II. – Wrocław, 2006. – S.49-79; Її ж: Французька, російська і українська історіографія (70-і рр. XIX - поч. XXI століть). – Ніжин, 2009. – Розд. V. – С. 158-176; Українська історіографія на зламі XX і XXI століть: здобутки і перспективи / Гол. ред. Л. О. Зашкільняк. – Львів, 2004.
12. Украинский институт марксизма-ленинизма в 20-30-е годы получал следующие только французские исторические журналы: «Revue historique», «Revue d'histoire modern», «Revue d'histoire modern et contemporaine», «La Révolution française», «Revue des études slaves».
13. См.: Таран Л. В. Годы, труды, люди: научная автобиография / Л. В. Таран // Південний архів: Історичні науки. – Херсон, 2004. – Вип. XIV. – С. 128-145.
14. Історія Української РСР / Гол. ред. О. Касименко. – 1-е вид. – У 2-х т. – Т. 1. – К., 1953. – 784 с.; Т. 2. – К., 1956. – 704 с.
15. См.: Таран Л. В. Роздуми про долю історичної науки в СРСР і Росії: (Нотатки на полях книги А. Я. Гуревича «История историка») / Л. В. Таран // Український історичний журнал. – 2007. – № 4. – С. 198-202.
16. Миронов Б. Н. Дискурс о европейскости России, или Конструирование Европы: Европа с Россией или без? / Б. Н. Миронов // Одиссей. Человек в истории. 2006: Феодализм перед судом историков – М.: Наука, 2006. – 493 с. – С. 420-443.

Пирогова-Таран Л. В. (Київ)